

Светлана Демидова

Милое
коварство

русский любовный
роман

Светлана Демидова

Милое коварство

«Автор»

2007

Демидова С.

Милое коварство / С. Демидова — «Автор», 2007

ISBN 978-5-699-21721-2

Равнодушный муж, отбившиеся от рук сыновья, беспросветная работа – такой унылой была жизнь Анны. Правда, в ее сердце жила светлая тайна – Дмитрий. Он влюбился в Аню с первого взгляда. Диму не смутило то, что он был учеником выпускного класса, а она учительницей, спешащей на свой первый в жизни урок. Их связала чистая, светлая, настоящая любовь. Окончив школу, Дима собирался жениться на своей Анне Сергеевне – но, конечно же, родители были против. В результате он стал супругом первой попавшейся однокурсницы, Аня тоже вышла замуж. Потекли годы – без счастья, без радости. Так и продолжалось бы до скончания века, если бы Анна не решилась пригласить своего любимого на школьный вечер выпускников...

ISBN 978-5-699-21721-2

© Демидова С., 2007

© Автор, 2007

Светлана Демидова

Милое коварство

Анна Сергеевна брела домой. И чего не села на автобус? Она выскочила из школы такая распаренная, что даже не сразу поняла, какой на улице лютый мороз. Градусов двадцать, не меньше! Улицы будто в седой дымке, витрины в ледяных разводах, а у встречных прохожих побелели прядки волос, ворсинки меха на воротниках, брови, ресницы и усы.

Первым у Анны Сергеевны замерз подбородок. Она попыталась засунуть его в шарф, но волевым усилием и рывком головы этого ей сделать не удалось. Пришлось остановиться, поставить к ногам два огромных пакета из магазина «Пятерочка», заполненных тетрадами с диктантами и сочинениями. Надо же, как, оказывается, задеревенели руки! Анна Сергеевна сдернула свои любимые узорчатые варежки, которые ей связала мама, и подышала на красные скрюченные пальцы. Пальцам от этого лучше не стало, поэтому она решила с ними дольше не возиться, поправила на плече объемистую, как всегда, туго набитую книгами сумку, натянула поглубже тоненькую фетровую шляпчонку, вытащила из-за ворота толстый шарф и наконец с наслаждением укутала им подбородок. Дальше Анной Сергеевной были произведены те же действия, но в обратной последовательности: она еще ниже натянула шляпку, еще более комфортно уложила на плече длинную ручку сумки, натянула на красные руки варежки, подняла с тротуара тяжелые пакеты и опять довольно медленно, ввиду усталости, такой же лютый, как мороз, побрела к дому. За ее пакеты почему-то все время цеплялись люди, чертыхались, толкались, а некоторые даже весьма непечатно выражались. У Анны Сергеевны не было сил оскорбляться. Она лишь машинально бормотала «простите» и «извините».

Уже в лифте она слышала раскаты и уханье молодежной музыки в стиле самого жесткого рока, которым последнее время душил семью старший сын Игорь. Когда никого из родителей не было дома, он стучал этим роком по головам несчастных соседей, а они его за это вполне справедливо, по мнению Анны Сергеевны, ненавидели.

Стоило только лифту остановиться, молодая женщина, перекосившись на сторону от взятых в одну руку тяжелых пакетов, бросилась к дверям, одновременно пытаясь другой рукой нашарить ключ в своей переполненной сумке. Под руку попадалось что угодно – от потерявшей свой колпачок помады до огрызка яблока, которым ее сегодня угостила Лидия Гавриловна. Ключи снова куда-то запропастились. Анна Сергеевна, в тысячный раз решив с завтрашнего дня класть ключи в строго определенное место сумки, кулаком забарабанила в двери, поскольку понимала, что птичий щебет их нового звонка Игорь не услышит.

Она оказалась права. Игорь звонка не услышал. Дверь ей открыл приятель сына по фамилии Мосин. Он очень вежливо кивнул Анне Сергеевне, произнес «Здравствуйте» и уселся под вешалку на ящик для обуви, почти совершенно скрывшись за висящими куртками и пальто. Анна Сергеевна, тяжело вздохнув, угнездила между ним и стеной свои сумки и прошла в небольшую, захламленную вещами комнату, в которой проживали два ее сына: двадцатилетний Игорь и Кирюшка, которому было еще двенадцать. Запнувшись за гантель и с трудом удержав равновесие, Анна Сергеевна камнем, выпущенным из пращи, долетела до стола, на котором надрывался музыкальный центр, и выдернула вилку из розетки. Неожиданно образовавшуюся тишину теперь нарушали только электронные переливы, доносящиеся из большой комнаты. Электронные звуки заставили Анну Сергеевну сморщиться не менее болезненно, чем она только что кривилась от дикой музыки старшего сына. Игорь, который одевался у зеркала, вынырнул из ворота футболки с очень злым лицом. Когда он увидел мать, выражение его лица сменилось на виноватое, но не слишком. И даже эта чрезвычайно слабая виноватость через минуту бесследно улетучилась, уступив место бесшабашности и веселью. У сына Анны Сергеевны было очень хорошее настроение.

– А-а-а, это ты! – радостно рыкнул Игорь. – А я думал, Кирюха! Здорово!

– Здорово, – устало и раздраженно проговорила Анна Сергеевна. – Сколько можно просить, чтобы ты не врубал музыку на полную катушку? Мне стыдно смотреть в глаза соседям.

– А ты не смотри! – посоветовал Игорь, пытаясь каким-то особым образом распределить по лбу длинную челку густых темных волос. – Чего ты в их глазах не видела?

Анна Сергеевна, замедленными движениями снимая дубленку, сказала:

– Они называют меня сапожником без сапог.

Игорь, закусив губу, уже прикидывал, какие джинсы лучше надеть, и потому спросил совершенно незаинтересованно:

– Интересно, за что?

– Думаю, за то, что я, не сумевшая достойно воспитать собственных детей, имею наглость воспитывать чужих.

Игорь наконец выбрал черные штаны, а потому уже опять очень весело предложил матери:

– Плюнь им за это в самые их бесстыжие глаза! Я, например, очень достойно воспитан! Это тебе и Мосин всегда подтвердит!

Надев джинсы и серый толстый свитер, Игорь чмокнул мать в щеку и пошел в коридор. Все еще кривясь от усталости, Анна Сергеевна сняла тяжелую дубленку и направилась вслед за сыном. Она пристроила дубленку на вешалку, при этом так и сидящий под ней Мосин даже не пошевелился. Увидев длинные ноги приятеля, торчащие из-под вороха зимней одежды, Игорь расхохотался и громко сказал:

– Все, Леха! Сматываемся, пока нас не арестовал вечерний патруль!

Леха Мосин, вынырнув из-под одежды, увидел на груди у матери приятеля бейджик с надписью «Дежурный учитель Корабельникова Анна Сергеевна» и снисходительно улыбнулся. Анна Сергеевна тут же суетливо принялась отстегивать свой опознавательный знак. Молодые люди между тем, взяв под мышки свои куртки, пошли к дверям.

– Э-э-э-э! Вы куда? – на всякий случай крикнула Анна Сергеевна, не особенно надеясь на правдивый ответ. Правдивого и не получила.

– По делам, мам! – отозвался Игорь и вытолкнул Мосина из квартиры.

Анна Сергеевна, зажав в руках бейджик, высунула голову за дверь и еще раз дежурно крикнула, по-прежнему не надеясь услышать что-либо утешительное:

– Когда придешь?

Из лифта, в котором уже отъезжали молодые люди, она услышала лишь глухое:

– Не знаю... Не поздно...

Очередной раз тяжело вздохнув, Анна Сергеевна пошла на отвратительное (с ее точки зрения) пиликанье электронной музыки, как крыса на звуки дудочки Крысолова. В большой комнате ее младший сын Кирюшка играл на компьютере в жуткую кровавую игру. Анна Сергеевна увидела, как герой, с которым явно отождествлял себя сын, огромной электрической пилой отпиливал головы другим героям, имеющим несчастье попасться ему на пути к какой-то наверняка идиотской цели. Экран заливала густая кровища, похожая на забродившее малиновое варенье. Анна Сергеевна, уже не имея сил даже на раздражение, довольно жалким голосом спросила:

– Опять, Кирилл? Сколько можно? Уроки сделаны?

Вовсе не собираясь в ближайшее время отрываться от экрана, Кирюшка самым отвратительным образом заныл:

– Ну ма-а-ам, я же только что прише-о-ол... И потом... мне только... упражне-э-э-эние-э-э-э...

Анна Сергеевна бросила быстрый взгляд на часы, висящие на стене, и с недоумением спросила:

– Уже седьмой час! Почему это ты только что пришел?

– Ну-у-у, потому что-о-о-о... – неотрывно следя за игрой, противным голосом прогундосил Кирюшка и тут же совсем с другой интонацией во все горло горестно воскликнул: – Э-э-эх!!! – и даже раздраженно пристукнул кулаком по столу, так как его герой неосмотрительно выронил пилу, и на нем мгновенно повисли несколько отвратительных обезьян с песьими мордами и лошадиными копытами.

Анна Сергеевна с угрозой, на которую только был способен ее уставший организм, протянула:

– Та-а-ак! Я-а-асно! – И выдернула из розетки вилку компьютера.

Сын взвыл еще противнее:

– Ну-у-у ма-а-ам! Что ты сделала?! Нарочно, да?! Нарочно?! Я только-только дошел до третьего уровня! Ты что, не знаешь, что компьютер так нельзя отключать! И вообще!!! Как Игорехе, так ему все можно, а как мне, так...

Кирюшка застыл на полуслове, потому что из коридора послышался звук поворачивающегося в замке ключа, потом – противный скрип открываемой двери. Анна Сергеевна, отвернувшись от сына и раздумывая над тем, чем бы смазать дверные петли, пошла в коридор. Кирилл, моментально сменив плаксивое выражение лица на сосредоточенное, тут же сунул вилку в розетку, намереваясь продолжить игру с любого уровня или, на худой конец, даже начать ее с самого начала, поскольку это гораздо интереснее, чем делать дурацкое упражнение по русскому языку.

В коридоре раздевался муж Анны Сергеевны Анатолий. Он приветливо кивнул жене, сунул ноги в кожаные шлепанцы, сразу прошел в кухню, где очень быстро сполоснул руки и открыл холодильник. На абсолютно пустой полке лежал кусочек докторской колбасы, рядом с которым притулилась бутылка кетчупа, заполненная оранжево-красной субстанцией от силы пальца на два. Анатолий с тяжелым лицом повернулся к жене, жестом трагического актера обвел рукой пустой холодильник и тем же тоном, которым Анна Сергеевна только что разговаривала с сыновьями, проговорил:

– Опять?! Это, знаешь ли, выходит за всякие рамки! Могла хотя бы зайти в магазин! У тебя все-таки дети!

Анна Сергеевна, виновато демонстрируя тяжелые пакеты с тетрадами, которые не без труда вытащила из-под одежды, жалобно пробормотала:

– Толик! Ну мне же не донести! Мог бы и сам зайти в магазин!

Анатолий с самым саркастическим выражением лица хмыкнул и сказал:

– Знаешь, я каждый день надеюсь (совершенно напрасно, конечно), что я все-таки женился на женщине! А прихожу домой и убеждаюсь, что нет! Не на женщине! На учительнице! А это, как говорят в Одессе, две большие разницы!

Еще более распалившись от собственной обличительной тирады, он заметался по кухне, напрасно открывая всяческие дверцы и ящички кухонных шкафов, за которыми (он и сам отлично знал это) совершенно невозможно было обнаружить никакой еды, кроме сухих круп, сахара и соли. Анна Сергеевна с опрокинутым лицом застыла, прислонившись к косяку кухонной двери, наблюдая за перемещениями мужа, потом вдруг с воплем облегчения бросилась к сумке и вытащила из нее сосиски.

– Вот! Видишь! – Она потрясла перед носом мужа пакетом. – Я все-таки немножко женщина! Я купила у нас в буфете сосиски. Сейчас будем есть.

Бросив презрительный взгляд на сосиски, Анатолий ушел в комнату, откуда тут же послышались вопли:

– Ну-у-у па-а-апа-а-а...

Анна Сергеевна поняла, что муж вырубил сыну компьютер, поскольку наверняка разлегся на диване перед телевизором, чтобы посмотреть выпуск новостей. Что ж! Теперь это все ее не касается! Пусть разбираются без нее! Ее дело – это макароны. Поставить бы памятник тому, кто придумал эту замечательную еду быстрого приготовления!

Несмотря на то что настоящие мужчины презирают сосиски с макаронами, Анатолий поднялся из-за стола настолько подобревшим, что даже соизволил поцеловать жену в висок. Сытый Кирюшка, буркнув матери «спасибо», бросил быстрый взгляд на отца и рысцой понесся в комнату к компьютеру. Анатолий тут же рывкнул ему вдогонку:

– Кирка! Не вздумай рубать свою идиотскую игру! Садись за уроки! Я сейчас хоккей буду смотреть!

Анна Сергеевна прикинула, что за время хоккея, пожалуй, успеет проверить диктант хотя бы у одного класса. Она быстрыми движениями убрала со стола остатки еды, вымыла посуду и притащила на кухню из коридора свою пухлую сумку с конспектами и пакеты с тетрадами. С одной стороны, проверка тетрадей – самая отвратительная учительская обязанность, с другой – возможность увидеть воочию, чему умудрилась научить младое племя, несмотря на его самое отчаянное сопротивление.

Анна Сергеевна, как всегда, настолько увлеклась проверкой и выписыванием в отдельную тетрадь, кто из ее учеников чего не усвоил, что очнулась только тогда, когда часы показывали 21.30. Охнув, она бросилась в комнату. Анатолий, расслабленно развалившись на диване и закрыв лицо газетой, дремал перед телевизором, а Кирюшка продолжал резаться в свою игру, отключив звук. Анна Сергеевна молча, чтобы не потревожить мужа, опять отключила компьютер, отвесила сыну хороший подзатыльник и потащила в маленькую комнату за уроки. Удостоверившись, что Кирилл принялся прилежно списывать в тетрадь по русскому языку предложение из учебника, вернулась в кухню, разложила по столу книги и принялась готовиться к урокам.

В 23.30 в кухню явился проснувшийся Анатолий с голым торсом и в жутко мятых спортивных штанах. Он сунул в нос Анне Сергеевне штуки четыре, не менее, мятые рубашки.

– Вот, полюбуйся! – убийственным тоном провозгласил он. – Ни одной чистой! Можно подумать, что я – холостяк!

Анна Сергеевна, стараясь не забыть, что она только что собиралась записать в свою тетрадь, вырвала у мужа рубашки и скрылась с ними в ванной. Анатолий сладко потянулся, откусил сразу пол-яблока, прошел в спальню, скинул спортивные штаны прямо на пол, забрался под одеяло и закрыл глаза. На его лице явственно читалось блаженство.

На следующее утро мороз резко спал. Лицо Анны Сергеевны, вышедшей из подъезда, ожег крупчатый мокрый снег. Отфыркнувшись, как от воды, и пригнув голову, она со своей пухлой сумкой и двумя пакетами с проверенными тетрадами побрела к остановке автобуса. Спина к струям снего-дождя под навесом уже стояла ее сослуживица, молоденькая и симпатичная Инна Петровна в длинном бордовом кожаном пальто и с красивым фирменным пакетом в руках. Завидев Анну Сергеевну, Инна Петровна бросилась к ней и вместо приветствия возбужденно заговорила:

– Вы представляете, ко мне позавчера на урок опять завалилась Киреева! Уже после звонка! Сидела на задней парте, как сыч в дупле, а потом опять разнесла урок в пух и прах!

Анна Сергеевна не успела ответить, потому что именно в этот момент к ним подошла еще одна учительница и одновременно ее давняя приятельница, математик Лидия Гавриловна. Сумка у Лидии Гавриловны была такой огромной, что никаких дополнительных пакетов ей никогда не требовалось. Оторвать ее от стола или стула могла только она сама, некоторые ученики выпускных классов и преподаватель физкультуры Леонид Андреевич. Лидия Гавриловна

приподняла воротник объемной болоньевой куртки, нахлобучила поглубже мужской кепарик и тоже забралась под навес, крыша которого никак не могла никого спасти от косо летящего мокрого снега.

– Отчего вы так возбуждены, дорогая Инна Петровна? – спросила она молоденькую учительницу.

– Представляете... – опять начала Инна Петровна и пропела математичке все то, что только что поведала Анне Сергеевне.

Лидия Гавриловна посмотрела на нее теплым материнским взглядом и ласково сказала:

– Деточка! Вы имели полное право не пускать ее к себе на урок!

– Как это не пускать? – Инна Петровна даже слегка испугалась такого странного заявления умудренного опытом педагога.

– Так это! Сказали бы, что у вас критические дни!

Анна Сергеевна громко прыснула в шарф.

Инна Петровна сначала настороженно улыбнулась, потом весело хихикнула и с прежним напором продолжила:

– Вы представляете, она мне говорит: «У вас не отработан деепричастный оборот!» А я ей говорю: «Как же может он быть отработан, если мы только что его начали!»

Лидия Гавриловна через плечо молоденькой учительницы обеспокоенно посмотрела вдаль, потом на часы и, не желая слушать про деепричастный оборот, сказала:

– Что-то автобуса нет! Опоздаем! Критическими днями не отделаешься!

Но Инну Петровну не так-то легко было сбить. Она встала перед Лидией Гавриловной так, чтобы той не видно было дорогу, и продолжила:

– Представляете, я ей говорю: «Хорошо, я бездарность и пустое место! Разрешите прийти к вам на урок и поучиться?»

Анна Сергеевна хмыкнула и спросила:

– Неужели позволила?

– Сказала, что пригласит, когда посчитает нужным! Представляете?!

Анна Сергеевна как раз хотела объяснить молоденькой учительнице, как правильно следует вести себя с завучем, но к остановке подкатил набитый под завязку автобус. Водитель попытался открыть двери, но пассажиры дружно заголосили, что в салон уже больше никто не войдет. Двери, шипя, закрылись, прищемив хвост чьего-то клетчатого пальто. Ежась от промозглой сырости, Лидия Гавриловна посмотрела на часы и сказала:

– Теперь мы точно опоздаем, а вы, Инночка Петровна, примите мои соболезнования.

– В смысле? – молоденькая учительница непонимающе уставилась на Лидию Гавриловну.

– А в том смысле, что сегодня, когда мы опоздаем, Киреева кроваво отомстит вам за то, что вы посмели попроситься на ее урок, тем самым намекая на то, что они у нее не лучше, чем у вас. Такое, милочка, администрацией не прощается!

Лицо Инны Петровны приняло испуганное выражение и цвет, близкий тону бордового пальто. Возможно, что она и возразила бы Лидии Гавриловне, но к остановке совершенно неожиданно для разговорившихся учителей подкатил не слишком набитый автобус. Инна Петровна, тут же выбросив из головы завуча Кирееву, радостно взвизгнула и первой забралась в салон. В автобусе радости у нее несколько поубавилось, потому что все сидячие места были заняты, и в основном мужчинами. Молодая учительница, скроив самое независимое выражение лица, с большим достоинством протиснулась к окну, а Анну Сергеевну прижали к одиночному сидячему месту, на котором с большим комфортом устроился мужчина в турецкой кожаной куртке с блестящими пуговицами. Пакет с тетрадями уперся ему прямо в грудь. Мужчина, брезгливо скривившись, попытался отодвинуть его от себя. Анна Сергеевна заученно извинилась, но тетради с каждым поворотом автобуса продолжали чувствительно тыкать мужчину в

разные места. Его лицо из брезгливого трансформировалось в злобное, и, когда острый угол пакета уперся ему в щеку, он раскричался на весь автобус:

– Что вы меня тычете своими вещами! Я, между прочим, на работу еду, и мне надо сосредоточиться, а не... понимаешь ли... нервничать из-за ваших тычков!

Лидия Гавриловна усмехнулась и громовым голосом заявила:

– Ну до чего все-таки нынче мужик жидкий пошел! Ну-ка держи, орел! – Она выхватила у Анны Сергеевны пакеты с тетрадями, поставила их на колени раздраженному мужчине и добавила: – Довези-ка, герой, до школы!

Мужчина что-то злобно пробубнил, но тем не менее все-таки принял ручки пакетов и, продолжая еле слышно ворчать, держал их на коленях до остановки «Средняя школа».

В пустынном по причине уже начавшихся уроков коридоре у входных дверей школы абсолютно мокрых, забрызганных грязью учителей встречала завуч Киреева с победно-строгим выражением лица.

– Мы никогда не приучим учеников к порядку, если сами станем опаздывать на уроки, – командным голосом начала она. – Потрудитесь объяснить, уважаемые, почему вы сегодня опоздали!

Лидия Гавриловна уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь ядовитое, но неожиданно встряла Инна Петровна:

– А у нас, Галина Викторовна, сегодня критические дни!

У опешившей Киреевой челюсть отвисла до самого рубенсовского бюста, которым завуч очень гордилась. Воспользовавшись ее замешательством, учителя юркнули в гардероб для учителей. Раздевшись и на скорую руку причесавшись, они бросились в свои классы.

Уже на лестнице Анна Сергеевна услышала, как в ее отсутствие беснуется восьмой «Г». Она подбежала к двери в кабинет в тот момент, когда она распахнулась. Из нее вылетел всклооченный парнишка. Тряпка, которая наверняка была послана ему вслед, попала прямо в лицо Анне Сергеевне. Она брезгливо сморщилась, указала парнишке рукой на тряпку, а потом на класс. Тот, послушно подняв ее, пошел в кабинет. Анна Сергеевна – за ним.

После уроков Анна Сергеевна, опять уставшая до дрожи в ногах, спустилась на первый этаж, где располагалась школьная столовая. Та-а-ак... Что у них сегодня можно съесть?

– Опять вы, Анна Сергеевна, опоздали, – улыбнулась с раздачи сдобная, как булочка, повариха Наталья. – Все съели. А на вторую смену еще варится...

Анна Сергеевна обреченно кивнула, подошла к одному из столов, с которого еще не убрали порции геркулесовой размазни, которую дети есть не желали. Она взяла себе две тарелки застывшего буроватого месива и понесла к столу для учителей. Через несколько минут в дверях столовой показалась Лидия Гавриловна. Мигом оценив ситуацию, она решительным шагом подошла к столу, за которым клевала холодную кашу подруга, и возмущенно пророкотала:

– Что?!! Опять!

– Все кончилось... – пожала плечами Анна Сергеевна.

– А для второй смены...

– ...еще варится...

Лидия Гавриловна кивнула на кашу и тоном, не предвещающим ничего хорошего, спросила:

– Где взяла?

Анна Сергеевна показала на детские столы.

Лидия Гавриловна презрительно усмехнулась:

– А почему не оттуда? – И показала рукой на большой бидон, куда работница столовой именно в этот момент сваливала с тарелок не съеденную детьми кашу.

Анна Сергеевна вяло отмахнулась. Лидия Гавриловна взяла со стола стакан с неприлично желтым чаем и, чеканя шаг, отправилась к раздаче. Шмякнув его об отделанное радостно-розовым пластиком окошко, она рывкнула прямо в ухо поварихе Наталье, которая выглядывала из него, будто сказочный Петушок – Золотой Гребешок:

– Мне чаю! Два стакана! И полных! И горячих! И не эту бурду... – Она ткнула пальцем в стакан. – А настоящий! Какой сами пьете! И кашу! Чтобы хотя бы теплую! Нет! Две каши!

Наталья, скривившись под девизом «Ходят тут всякие...», убрала с подоконника раздачи свои полные локотки и довольно быстро принесла две тарелки дымящейся каши, а также два стакана чая совсем другого, золотисто-янтарного цвета. Лидия Гавриловна, не глядя на Наталью, поставила одну из тарелок перед носом Анны Сергеевны и заботливо сказала:

– Поешь-ка горяченького!

– Что-то аппетит пропал... – устало ответила Анна Сергеевна и отодвинула от себя тарелку. – Ешь сама.

– Аня, я не устаю тебе твердить, что их всех... – Лидия Гавриловна описала рукой полный круг, который с равным успехом мог обозначать и школьную столовую, и весь крещеный мир, – надо брать их же оружием! Они тебе – хамски осклизлую холодную кашу, а ты им – кулаком об раздачу! Что за свинство, в самом деле! Учителя даже между сменами не могут нормально поесть! – Лидия Гавриловна придвинула к себе поближе одну из тарелок и без плавного перехода сменила возмущенный тон на задушевный: – А он, между прочим, там опять стоит!

– Кто? – испуганным шепотом спросила Анна Сергеевна, но каждому, кто слышал бы ее голос, стало бы ясно, что она точно знает, кого имела в виду Лидия Гавриловна.

– А то ты не знаешь! – отозвалась та, лукаво подмигнув приятельнице.

Анна Сергеевна трясущейся рукой поставила на стол стакан с горячим чаем, выплеснув при этом на белую чистую скатерть чуть ли не половину его содержимого, и задушенно охнула при виде отвратительного коричневого пятна, расплывающегося по снежной белизне накрахмаленной ткани.

– Аня! Я тебя прошу! Не обмирай ты над этой скатеркой! – Лидия Гавриловна приложила к груди руку, зажав в ней ложку, вымазанную геркулесовой кашей. – Скажем, что пролил Вахрамеев из твоего восьмого «Г»!

– Лида! Я сейчас выйду через спортивный зал, – начала Анна Сергеевна, даже не заметив, что ее приятельница помянула всуе ее ученика, и тут же сорвалась почти на истерику: – А ты... Лида!!! Ты скажи ему, что меня нет в школе!

Лидия Гавриловна сунула в рот ложку каши и ответила с полным ртом:

– Ничего не выйдет. Думаешь, с чего это я вдруг помянула Вахрамеева? С того! Я видела, как Дима с ним разговаривал. Наверняка про тебя спрашивал.

Анна Сергеевна затравленно огляделась по сторонам и горячо проговорила:

– Так ты скажи, что я была, но уже ушла...

– Ага! Прямо-таки вся и вышла!

– Ну, Лида!!! – Глаза Анны Сергеевны неконтролируемо наполнились влагой.

Лидия Гавриловна бросила ложку в тарелку и резко ответила:

– Ты прекрасно знаешь, что я думаю по этому вопросу! Не буду я ему ничего говорить! Если бы за мной кто так увивался целых двадцать лет...

– Восемнадцать... – перебила ее Анна Сергеевна.

– Тем более! Корабельников твой ему в подметки не годится!

– Лида! У нас дети!

– А я разве призываю тебя бросать детей? И Толика... бугая своего, можешь не бросать! Кто заставляет? Но расслабиться-то можно!! Школа – магазин – дом! Дом – школа – магазин и

– опять-таки дом! Мы уже забыли, что... женщины! Мы – обучающие машины! А еще – подай, принеси, выстирай, зашей, а после – пятки почи!

– Лидка... – жалобно проговорила Анна Сергеевна. – Он мой ученик!!!

– Это он восемнадцать лет назад был твоим учеником, да и то меньше года! А сейчас это взрослый мужик... – Лидия Гавриловна завела глаза в потолок и подсчитала в уме: – Тридцати пяти лет от роду, и это как минимум!

– Нет! Лида, нет!!! Я все равно не могу! В общем... – Она вскочила из-за стола и на бегу бросила подруге: – Я через спортзал... Если ты меня не спасешь, то я уж и не знаю...

Лидия Гавриловна осуждающе кивнула головой и с большим раздражением принялась мешать ложкой остатки своей каши, которая этого абсолютно не требовала. Потом она зачерпнула ложкой очередную порцию, но застыла, не донеся ее до рта, потому что дверь столовой опять с шумом распахнулась. В нее влетела Анна Сергеевна, сдернула со стула все такую же набитую сумку, потом нырнула почти под стол, достала неизменные два пакета из магазина «Пятерочка», полные тетрадей, и опять бросилась вон из столовой. Лидия Гавриловна в сердцах бросила на стол ложку. На этот мощный звон из всех помещений столовой выглянули испуганные служащие. Учительница математики встала из-за стола, ткнула пальцем в недоеденную кашу и программно заявила:

– Ну и дерьмо вы варите!!! Профессионалки!!! Мать вашу!!! – Потом, спохватившись, закрыла рот рукой и оглянулась по сторонам. Поскольку учеников рядом не оказалось, она облегченно вздохнула и с большим достоинством покинула столовую.

Выскочив из школы, Анна Сергеевна, не чуя тяжести своих пакетов и сумки, резвым зайцем перебежала проезжую часть и юркнула в первую же попавшую маршрутку. Разобравшись в тесном салоне, что едет не в ту сторону, она, раз уж так случилось, решила выйти возле нового универсама под названием «Рядом с домом», в котором давно собиралась побывать.

Поскольку универсам недавно открылся, его стены были еще украшены гирляндами разноцветных шаров, а каждому посетителю в подарок вручали нарядный фирменный пластиковый пакет с красной надписью по елочно-зеленому полю: «Рядом с домом». Пакет Анне Сергеевне очень понравился, потому что был гораздо объемнее, чем ее любимые из магазина «Пятерочка», и явно крепче. В него наверняка запросто войдут тетради сразу трех классов.

В торговом зале народу толпилось много, но, поскольку помещение было очень большим, Анну Сергеевну почти не толкали, что ее приятно удивило. Первым делом она направилась в мясной отдел, так как решила сегодня порадовать мужа с сыновьями свежими щами. Сочинения одиннадцатого «А», конечно, придется проверять ночью, зато Анатолий перестанет совершенно необоснованно обзывать ее учительницей. Она – женщина! Женщина! Женщина! А потому непременно приготовит сегодня отличные наваристые щи!

Мясной отдел радовал взгляд нарядными упаковками и сочными кусками мяса, очень красиво подсвеченными.

– Мне бы вот этот кусочек... – промямлила Анна Сергеевна, ткнув в витрину несколько неопределенно.

Продавщица кивнула и показала ей красивый кусок, на который, как ей показалось, попал указующий перст покупательницы. Анна Сергеевна отрицательно помотала головой. Продавщица взяла в руки другой, еще более аппетитный мясной шмат, но Анна Сергеевна замотала головой еще более отчаянно. После того как были перебраны почти все сочные куски, продавщица с брезгливой миной вытащила из-под них маленький костлявый кусочек. Анна Сергеевна радостно кивнула головой в знак согласия. Продавщица с большим сочувствием оглядела ее фетровую шляпку, которая вряд ли спасала бедолагу от зимнего холода, пестрые варежки, торчащие из кармана, взвесила мясо, а потом еще долго провожала покупательницу глазами.

Но Anne Сергеевне было не до продавщицы. Она уже покупала в овощном отделе полкочана капусты, две моркови, одну луковицу и килограмм картошки.

После овощного, с изрядно потяжелевшей корзинкой, Анна Сергеевна отправилась в кондитерский отдел. Как и в мясном, и в овощном, прилавок ломился от товаров. Анна Сергеевна прилипла к витрине, как провинившийся ребенок, которого оставили без сладкого. Подсчитав в уме то, что должно было остаться в ее кошельке, она очень обрадовалась, потому что могла себе позволить купить четыре пирожных под названием «Глазированная фруктовая полоска», после чего у нее, похоже, останется еще и на помаду.

Отдел с косметикой и сопутствующими товарами был мелковат. Анна Сергеевна это сразу одобрила: в нем мало кто задерживался. Наверно, только такие же, как она, которым некогда бежать в фирменные магазины с большим выбором. Анна Сергеевна вытащила из кармана огрызок губной помады и принялась искать похожий оттенок. Продавщица, обрадовавшись покупательнице, выложила на прилавок две крутящиеся подставочки с образцами помады от 100 до 500 рублей. Анна Сергеевна, как и в мясном отделе, отрицательно помотала головой, показала на мятую картонную коробку с дешевой тайваньской помадой, стоящую у кассы. Лицо продавщицы, как и у коллеги из мясного, брезгливо скривилось. Она шлепнула перед Анной Сергеевной коробку и, скрестив руки на груди, сочувственно наблюдала, как та выбирала помаду.

Из универсама Анна Сергеевна выскочила с двумя старыми пакетами из магазина «Пятерочка», в которых лежали стопки тетрадей, и новым, глянцево нарядным – с продуктами. В автобус, который шел в сторону ее дома, отягощенная тяжелой ношей Анна Сергеевна еле забралась. Пристроившись со своими многочисленными пакетами возле водительской кабины, она, отдыхая, закрыла глаза.

После щей из свежей капусты, риса с мясом, которое Анна Сергеевна достала из бульона и смолотла в мясорубке, а также «Глазированной фруктовой полоски» Анатолий даже не стал смотреть телевизор. Он по своей привычке сладко потянулся, сыто крикнул и завалился в супружескую постель с газетой, под которой моментально и заснул.

Анна Сергеевна, прошмыгнув в спальню во втором часу ночи, убрала с лица мужа «Санкт-Петербургские ведомости», стащила с него тренировочные штаны, заботливо укутала одеялом и поставила будильник на половину шестого утра. На десять последних тетрадей у нее не хватило сил.

Наутро улицу опять замело. Анна Сергеевна порадовалась, что не купилась на вчерашнюю оттепель и не надела вместо дубленки осеннее стеганое пальто. После легкой эйфории по этому поводу ей пришлось тут же огорчиться, поскольку приятельниц на остановке почему-то не оказалось. А кому, кроме них, интересен ее новый зеленый пакет из универсама «Рядом с домом»? В то время как Анна Сергеевна еще озиралась по сторонам, к остановке без всякого опоздания подошел автобус, в котором даже оказались свободные места. Анна Сергеевна, огорченно вздохнув, забралась в салон и плюхнулась на сиденье, задев новым зеленым пакетом сидящего у окна мужчину. Чертыхнувшись, он посмотрел на Анну Сергеевну.

– Доброе утро! – радостно поприветствовала его она, ибо соседом оказался тот же самый мужчина, которые вчера вез на коленях ее пакеты с тетрадями. – Вы уж извините... Тяжело, знаете ли...

Мужчина, покосившись на ее необъятную ручную кладь, раздраженно пожал плечами, сквозь зубы поздоровался и опять отвернулся к окну.

На крыльце школы Анну Сергеевну ждал совершенно занесенный снегом Андрей Вахрамеев, ее ученик и вечная головная боль. Вахрамеев всеми фибрами своей четырнадцатилетней

души ненавидел школу и учителей и потому вдохновенно гадил им, как только мог. Вчера он практически подрался с учителем физики Олегом Михайловичем, после чего физик заявил директору, что в недрах школы может находиться только один из них: либо он, либо Вахрамеев, а одновременно – ни-ни. После разговора с директором Анна Сергеевна, затащив строптивого ученика в свой кабинет, прижала его профессиональным приемом под названием «локтем к доске» и заявила, что объявляет ему самую лютую войну до тех пор, пока он не перестанет издеваться над учителями.

– Ну и чего вы мне сделаете-то? – нагло ухмыльнулся Вахрамеев, несмотря на то что все-таки признавал за классной руководительницей кое-какие права.

– Все! Ты меня достал, Андрюш-ш-ша, – змеей прошипела ему в лицо Анна Сергеевна. – Ты утверждаешь, что ненавидишь школу! Так я тебя из нее не выпущу! У меня два предмета: русский и литература. Этого хватит, чтобы бесконечно оставлять тебя на второй год! Я тебя сгною в школе, Вахрамеев!

– Не сгноите, – с кривой усмешкой ответил Андрей. – На второй год оставляют с тремя двойками.

– Грамотный, да? – Анна Сергеевна сатанински улыбнулась. – Все-то ты знаешь, Вахрамеев! А математика! Забыл Лидию Гавриловну? Ай, нехорошо!

При упоминании решительной математички лицо Вахрамеева моментально сделалось испуганным. Довольная произведенным эффектом, Анна Сергеевна убрала локоть от его груди и, нежно улыбнувшись, сказала:

– Вижу, вспомнил! Иди, Андрюшенька. Ты пока свободен.

И вот сегодня этот самый Вахрамеев зачем-то ждал ее на крыльце школы.

– Ансергевна! Здрась! – при виде классной руководительницы зычно прокричал он, яростно отплевываясь от снега. – Я это... я предлагаю... зарыть топор войны!

– Надо же, как ты изысканно выражаешься! – восхитилась Анна Сергеевна. – Вот ведь можешь, Вахрамеев, когда захочешь.

– Ну так как... вы не против? – проигнорировал он ее иронию.

Анна Сергеевна обреченно вздохнула и ответила:

– Попробуем... только, смотри мне, если что – я быстренько отрою его обратно!

Вахрамеев счастливо и неожиданно красиво улыбнулся, взял у учительницы тяжелый пакет, и они бок о бок прошли через широкий дверной проем. В вестибюле школы Вахрамеев сказал:

– Ансергевна! Вас вчера какой-то мужик спрашивал.

– И что? – испуганно спросила она.

– Ничего. Просил передать, что если не дождется вас, то завтра еще придет, ну... то есть... уже сегодня.

– И что? – опять спросила Анна Сергеевна.

– Ничего. Он просил – я передал. Куда волочь пакет-то? Тяжеленный, гад...

– Отнеси, Андрюша, к моему кабинету, пожалуйста. Я сейчас приду.

Вахрамеев согласно кивнул, сдернул куртку, сунул ее своему однокласснику, чтобы тот сдал в гардероб, и потащил пакет на третий этаж. Анна Сергеевна с потерянными лицом остолбенела у дверей, мешая всем проходить в вестибюль.

...Ей тогда было двадцать два года. Она только что окончила Ленинградский педагогический институт имени Герцена. Анне Сергеевне, которая приехала поступать в институт из одного из заштатных городков под смешным названием Козьмолов, после его окончания неслыханно повезло: ее распределили не в такой же медвежий угол, как родной Козьмолов, а в одну из очень неплохих ленинградских школ. В медвежьи углы направили несчастных ленинградцев, которые не имели связей для того, чтобы остаться работать в северной столице. В

день своего первого Первого сентября, который она встречала уже как учительница русского языка и литературы, Анна Сергеевна ехала в школу на троллейбусе, стоя на его задней площадке. Комната, которую они снимали на пару еще с одной выпускницей ЛПИ имени Герцена, находилась у троллейбусного кольца. Для тех, кто отправляется на работу в час пик, это очень удобно – севшие в троллейбус на конечной остановке оказывались в салоне первыми. Анна тоже имела возможность сесть на сиденье, но не сделала этого, потому что очень не хотела помять надетый специально по случаю Первого сентября строгий учительский костюм темно-синего цвета, который освежала нарядная белая блузка.

По мере приближения к центру города троллейбус наполнялся пассажирами, и уже очень скоро Анна Сергеевна пожалела, что не села на сиденье. В утренней толчее ее прижали к какому-то неопрятному старику, усыпанному перхотью и крошками. В спину ей упирался букет цветов, который мог запросто осыпать ее плечи яркой пылью.

На одной из остановок в троллейбус втиснулась стая гогочущих старшеклассников. У них в руках не было букетов, зато от них здорово несло никотином. Один из парней, умудрившись сдвинуть с места старика с перхотью, оказался лицом к лицу с Анной Сергеевной. Вернее будет сказать, что ее глаза поначалу уперлись в его светлую рубашку, видневшуюся из расстегнутого пиджака. Она подняла глаза выше. На нее, улыбаясь, смотрел очень симпатичный кареглазый молодой человек. Если бы Анна Сергеевна уже не была учительницей, она призналась бы себе, что он ей сразу понравился. Но, несмотря на высокий рост, парень явно был школьником, а значит, не представлял для нее никакого бубнового интереса. Анна Сергеевна отвернулась. Молодой человек, который никоим образом не мог признать в нежной девушке дипломированного педагога, сказал:

– Меня зовут Димой, а тебя?

Анна Сергеевна посчитала ниже своего достоинства отвечать какому-то школяру. Она отвернулась, стараясь как можно грознее сдвинуть тонкие бровки и презрительно надуть хорошенькие губки, слегка тронутые розовой перламутровой помадой.

– Какая ты, однако, строгая! – рассмеялся Дима. – Ну... улыбнись! Сегодня же праздник! Это только завтра начнутся нудные суровые будни!

Анне Сергеевне очень хотелось сделать ему первое в своей жизни педагогическое замечание о неуместности фамильярности, но троллейбус как раз подъехал к остановке «Средняя школа». Избавиться от назойливого старшеклассника Анне Сергеевне не удалось, потому что ему, как оказалось, тоже надо было именно в эту школу.

– Я понял! Ты новенькая! – обрадовался он, когда увидел, что понравившаяся ему девушка направляется в сторону родного здания. – В какой класс тебя записали-то?

Разумеется, Анна Сергеевна продолжала упорно молчать, но чувствовала, что начинает краснеть. Парень ее компрометировал в глазах стекающих к школе учителей, учеников и их родителей. Неугомонный Дима опять рассмеялся и сказал:

– Ну и не говори! Я и так догадался! Поскольку у нас в классе новеньких нет, значит, ты из десятого «Б»! Так ведь?

Анна Сергеевна уже хотела доходчиво объяснить ему, кто здесь есть кто, но ее окликнула завуч:

– Анна Сергеевна! Пойдемте, я провожу вас к вашему классу!

Дима остался стоять возле крыльца школы в состоянии некоторой растерянности. Конечно, их завуч – очень неплохая тетка, а потому вполне могла помочь новенькой деваче найти свой класс... Но почему она назвала ее по имени и отчеству? Неужели учительница? Нет... Не может быть... на ней и костюмчик – как комсомольская форма старшеклассниц...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.